

УДК 330

Валентин КУДРОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Сегодня российская экономика серьёзно отличается от старой советской, основанной на государственной собственности и централизованном планировании. В принципе её уже можно назвать рыночной. Однако в ней ещё сохранились весомые элементы не только государственного сектора, но и прямого участия государства в частном секторе. Национализация производства, отказ от рынка и предпринимательства с их механизмом конкуренции и борьбы за высокую эффективность производства уже изначально обрекали советскую экономику на безнадёжное и недолгое существование, т.е. загоняли её в исторический тупик. И это было ясно для многих уже в 1917 году. Но нам пришлось идти по этому пути на протяжении 74 лет, испытать много трудностей и проблем.

Советская экономика, не имея рынка, свободного выбора профиля производства и номенклатуры продуктов с учётом реального спроса на них, по определению не могла быть эффективной и конкурентоспособной на базе постоянного генерирования инноваций. В советские годы все думали о вале, о нарастании выпуска продукции. Ни о каких инновациях или смене номенклатуры производимой продукции в соответствии с изменением спроса и речи не было. Сейчас другие времена. Они диктуют задачи и проблемы развития инноваций, модернизации производства и повышения его конкурентоспособности.

Проблемы инновационного прогресса

В настоящее время Россия выглядит довольно скромно на мировой арене, занимая лишь шестое место по объёму ВВП и наглядно демонстрируя свою сырьевую, неэффективную и неинновационную экономику, авторитарную политическую систему со слабым развитием своих демократических институтов. Наша экономика по-прежнему малоэффективна и неконкурентоспособна по сравнению со странами со зрелой рыночной экономикой.

В рейтинге Всемирного экономического форума Россия по своей конкурентоспособности сейчас занимает 64-е место в мире, при этом некоторые эксперты надеются, что к 2030 г. она займёт 30-е место. Конечно, ожидать можно всё, что угодно, но реалии нашей жизни всё же свидетельствуют о том, что Россия не котируется в мире, как

© **Кудров Валентин Михайлович** – ординарный профессор НИУ-ВШЭ, лауреат государственной премии СССР, главный научный сотрудник ИЕ и ИМЭМО РАН.
Адрес: 125993, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** kudrovvalentin@rambler.ru

Ключевые слова: советская социально-экономическая система, современная российская социально-экономическая система, неэффективный, исторически несостоятельный, административный аппарат.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32015137147>

продвинутая и конкурентоспособная страна. Что же касается показателя инновационной активности, то, по данным за 2012–2013 гг., Россия занимает всего лишь 108-е место в мире, уступая не только всем развитым странам, но и Китаю (34-е место) и Индии (43-е место) [Мировая экономика и международные отношения, 2013: 26]. Доля России в мировых затратах на НИОКР достигает всего лишь 2%, в то время, как доля США – 32%, Китая и Японии – по 12%, Германии – 7% [Мировая экономика и международные отношения, 2013: 28]. Доля затрат на НИОКР в валовом внутреннем продукте составляет в США – 2,77%, Китае – 1,84, Великобритании – 1,77, в Швеции – 3,37, Японии – 3,39, Ю. Корее – 4,03, а в России – лишь 1,12% [Вопросы статистики, 2013: 56].

Численность исследовательского персонала в России составляет 443 тыс. человек, Китае – 1,318 тыс., Японии – 657 тыс., в то время как в США – 1,413 тыс. человек [Вопросы статистики. № 12, 2013: 56].

Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объёме выпуска товаров и услуг в России в 2011 г. составил 4,7%, в то время как в 2010 г. он был равен 3,4%, а в 2009 г. – 4,3%. Удельный вес инновационных товаров и услуг в общем выпуске в 2011 г. составил 12,5%, что на 3,6 процентных пункта больше, чем в 2010 г. [Экономист, 2014: 5]. По численности занятых в сфере научных исследований (735,3 тыс. человек) мы занимаем четвёртое место в мире, уступая США, Китаю и Японии. Но участие бизнеса в финансировании НИОКР в России пока ещё остаётся очень низким, львиная доля этих расходов (65,6%) у нас приходится на государство, в то время как в развитых капиталистических странах намного ниже. Там основную роль в финансировании затрат на НИОКР уже давно берёт на себя бизнес.

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций у нас составляет 8,9%, в то время как в Германии – 63,8, Финляндии – 46,8, Италии – 40,1, Франции – 35,0, Чехии – 39,3, Болгарии – 23,9, Венгрии – 20,8%. Удельный вес организаций, получающих финансирование на научные исследования из средств бюджета, в общем числе организаций в России составляет всего лишь 1,8%, в то время как в Австрии – 17,2, Финляндии – 16,3, Чехии – 6,7, Польше – 3,5% [Индикаторы инновационной деятельности, 2013: 448, 450]. Экспорт инновационных и коммуникационных технологий в России составил в 2009 г. всего 0,9 млрд долларов, к то время как в Китае – 356,3, в США – 113,2, в Японии – 70,2, Чехии – 16,3, Польше – 9,5 млрд долларов [Индикаторы информационного общества: 2013. М., 2013: 290]. Доля затрат на фундаментальные исследования в общих расходах на НИОКР в России составляет 18,8%, в США практически столько же, а в Словакии – 43,1, Румынии – 42,1% [Индикаторы науки, 2013: 357].

Но дело даже не в сравнении этих официальных цифр, а в том, что в России оказалась разрушенной научная среда для реальных и конструктивных исследований. Наша научная сфера оторвана от экономики, реального производственного процесса в стране. А возникший бизнес в производственной сфере оказался неготовым к широкому и надёжному сотрудничеству с наукой, считая, что свою прибыль на огромных просторах страны или в огромном экспорте природного сырья он получит и без учёных, без расходов на НИОКР.

Это очень опасная ситуация, которая давно ещё должна была быть преодолена профессиональным государственным вмешательством. Но этого, к сожалению, не случилось. Вместо этого отдельные государственные чиновники заговорили о целесообразности не поддерживать и не развивать российскую науку, ставшую якобы банкротом, и даже закрыть Российскую академию наук. Такое направление в развитии крайне опасно для России, прежде всего для её будущего. Главное, чем должны заняться эти чиновники – это возродить отраслевые научно-исследовательские институты, создать систему органичной, рыночной связи между бизнесом и наукой, поднять и обновить Российскую академию наук.

Без включения нашей науки в российский бизнес невозможно повысить эффективность производства в России. А мировой опыт наглядно показывает массу примеров

органичного соединения науки и бизнеса, образования отраслевых и межотраслевых НПК – научно-производственных комплексов. И здесь накопленный полезный опыт в США и Японии весьма нужен нам. При этом речь не идёт о его механическом копировании, речь идёт о создании целой системы российских НПК на собственной основе, с учётом полезного опыта других стран.

Без включения нашей науки в российский бизнес невозможно повысить и конкурентоспособность нашего производства и самого бизнеса. Конкурентоспособность сегодня является чуть ли не главным параметром при оценке эффективности производства, как на заводском, так и отраслевом и национальном уровне. Но именно здесь сегодня находится чуть ли не главная проблема эффективности нашей экономики. Поэтому нужно разработать ряд государственных программ, в которых наука и бизнес в условиях полного взаимодействия наглядно и надёжно повышают конкурентоспособность и эффективность конкретного производства.

В развитых капиталистических странах со зрелой рыночной экономикой даже в условиях снижения объёмов производства в период неизбежных циклических кризисов бизнес уделяет особое внимание инновациям, изобретениям, созданию новых товаров и услуг, способных в короткие сроки заменить уходящие устаревшие продукты, теряющие спрос. А это не только массовые потребительские изделия, но и машины, оборудование, строительные объекты, транспортная и торговая сфера.

По большому счёту, в условиях научно-технической революции (НТР) не нужны высокие темпы экономического роста в цифровом количественном выражении. Нужны не 10% годового прироста обычного по своему содержанию ВВП, а всего лишь 2–3% его годового прироста, если львиная доля этого прироста приходится на принципиально новые и принципиально обновлённые старые продукты. Вот это и есть реальная НТР, базирующаяся на инновациях. А если у страны при высоких темпах наращивания общего выпуска продукции практически нет инноваций, то это всего лишь экономический рост, а не развитие экономики. Это даже и застой, а не прогресс.

Но эффективность российской экономики определяется не только её конкурентоспособностью, а и целым рядом других важных параметров. Среди них обратим внимание на структуру нашей экономики.

В отраслевой структуре российского ВВП на долю промышленности приходится всего лишь 20%, на долю строительства – 7%, а на долю сферы услуг – почти 70%. В этом нет ничего удивительного. Во всех индустриальных странах доля промышленности в их ВВП намного меньше доли сферы услуг. Другое дело – отраслевая структура самого промышленного производства. Здесь доля добывающей промышленности у нас составляет 23,5%, обрабатывающей – 66%, а производства и распределения электроэнергии, газа и воды – 10,5% [Россия в цифрах, 2013: 240].

Внутри промышленного производства России сейчас очень мала доля машиностроения – менее 3%. Доля химической промышленности составляет менее 5%, а доля машиностроения, химической промышленности и электроэнергетики в своей совокупности равна 18%. Всё это говорит об уродливости и неэффективности отраслевой структуры нашей промышленности. А если брать товарную структуру нашего экспорта, то там доля сырья ещё больше (70%). Как и в советские времена, когда в отраслевой структуре экономики и промышленности нашей страны преобладали доли сырьевой добычи и ВПК, сегодня в России мы наблюдаем те же парадоксы, а сокращение доли машиностроения – это не только нонсенс, но и позор для нашей экономики.

Серьёзной проблемой российской экономики является соотношение между бизнесом и государством. При Ельцине в результате его довольно крутых, но необходимых реформ доля государства в национальном производстве сократилась до 30%, когда в СССР она была близка к 100%. За последние 14 лет доля государства в ВВП возросла до 50%, и, несмотря на призывы В. Путина к её сокращению, этот процесс пока явно не

просматривается. Получается, что сейчас Россия находится между социализмом и капитализмом, как бы пополам. И сколько времени это будет продолжаться? А главное: почему у нас нет стратегии продолжения давно начатых, но далеко не законченных рыночных и демократических реформ? Такое долгое сидение между двумя стульями очень опасно. Нужен выбор, естественно, в пользу создания современной конкурентоспособной рыночной экономики.

В ближайшие годы сроком на 5–7 лет нас ожидают среднегодовые темпы прироста ВВП на уровне примерно 1,5–1,8%. Раньше намечались темпы в 5–6%, т. е. втрое более высокие. Значит, необходимо сделать всё, чтобы повысить качество темпов нашего экономического роста, превратить обычный рост в современное развитие, содержащее в себе большую долю научно-технического прогресса, инновационного бизнеса, обновить экономику страны, сделать её не менее конкурентоспособной, чем экономики самых развитых стран.

Проблемы модернизации российской экономики

В развитых капиталистических странах, где циклическое развитие экономики давно уже стало нормой, в годы кризиса обычно осуществляется масштабная модернизация экономики, превращение её в своего рода новую или обновлённую модель, способную стать основой следующего этапа развития на новой технологической основе.

На преодоление экономического кризиса 2008–2009 гг. Россия потратила примерно 15% ВВП, что больше, чем в большинстве развитых стран мира. Но самое неприятное заключается в том, что в отличие от этих стран у нас упор был сделан на поддержку занятости, устаревшего традиционного производства, особенно на государственных предприятиях, а не на замену устаревших станков и оборудования на новые, не на переход на новые технологические процессы, а на сохранение всего старого.

Активно поддерживается в России процесс её милитаризации, наращивание военных расходов и военного производства. В бюджетном планировании предусматривается серьёзное увеличение расходов на ВПК при росте их доли в ВВП. И это при снижении доли расходов на образование и здравоохранение. При этом растущее военное производство не имеет отношения к модернизации производственного аппарата, новая военная продукция не заменяет устаревшие заводские станки и другое оборудование, но отвлекает огромные ресурсы от модернизации этого аппарата. Продукция этой отрасли лежит на складах и используется только в военных учениях. Точно так же отвлекаются от модернизации огромные ресурсы за счёт чрезмерного упора на сырьё. Не будь этого, наша экономика была бы более модернизированной, обновлённой и эффективной.

России нужна в первую очередь масштабная модернизация всего производственного аппарата. Известно, что средний срок жизни нашего станочного парка перевалил за 21 год, что почти вдвое превышает срок его нормативной службы; более половины основных производственных фондов страны безнадежно устарели и нуждаются в решительном обновлении. Почти 41% наших предприятий убыточны, в т. ч. в промышленности – 42%, в сельском хозяйстве и ЖКХ – 62%. Но модернизации производственного аппарата в интересах модернизации всей экономики и всего общества тоже ещё далеко не достаточно. Необходима модернизация всей управленческой системы и её трудовых ресурсов.

Но управленческая система России архаична. Она несёт в себе давно устаревшие черты ручного управления, иерархической вертикали, основанной на принципе “начальник – подчинённый”. Вместо современной коллегиальности, принципа равенства всех экспертов независимо от занимаемой должности, свободы мнений и дискуссий в интересах принятия грамотных и хорошо продуманных решений мы чуть ли не ежедневно видим заседания у президента и премьера, на которых они дают свои указания “сверху”, а “снизу” никто не возражает и не спорит и лишь кивают послушно головой. Причём готовые решения диктуются сверху и по таким вопросам, которые просто необходимо принимать на более низовом уровне – республиканском или местном. И их ис-

полнение должно проходить автоматически при надёжном мониторинге. Высшее руководство страны должно заниматься только крупными и стратегическими проблемами.

Если посмотреть на конкретный опыт постсоциалистической модернизации в странах Центральной и Восточной Европы и Балтии, то контраст по сравнению с ними очевиден. Эти страны перешли в очень заметной мере на новый производственный аппарат, на современные технологии в производстве и намного опережают Россию в этих направлениях. Невероятно, но факт: по объёму машиностроительного производства Польша уже впереди России. Опыт качественной модернизации экономики этих стран весьма полезен для России. Однако у нас об этом мало пишут и говорят.

Сегодня уже вполне очевидно, что России нужна грамотная и конкретная стратегия модернизации своей экономики, общества, национального менталитета. Практическая реализация такой стратегии должна сопровождаться сотрудничеством и даже партнёрством со странами с развитой рыночной экономикой, с Западом.

Уже в ближайшее время необходимо решительно встать на путь модернизации и самолечения, начать создавать новую экономику, новое современное общество и жизнь. Необходимо разработать программу по модернизации производства и общества. Искусственная задержка давно назревшей модернизации неизбежно приведёт к нарастанию общественного недовольства, протестов и даже формированию революционной ситуации.

Не забудем, что в прошлом власть всегда делала акцент лишь на отдельных сторонах модернизации, прежде всего военной, и никогда не создавала масштабную многостороннюю или комплексную программу такой модернизации. Теперь наступило время для появления не только этой комплексной программы, но и программы модернизации всей нашей системы.

В этом отношении для нас весьма интересен и полезен опыт Китая, твёрдо вставшего на путь модернизации экономики и общества. В 2006 г. Госсовет КНР принял “Инструкцию по применению государственных среднесрочной и долгосрочной программ по научному и технологическому развитию на период с 2006 по 2020 год”. Цель – создание деловой среды, способствующей появлению и распространению инноваций частными фирмами, овладению современной техникой и технологиями. В то же время был принят 11-й пятилетний план, в котором был сделан акцент на стимулирование отраслей, применяющих высокие технологии и частный высокотехнологичный бизнес. В конце 2010 г. был принят план на 12-ю пятилетку, с 2011 по 2015 г. В нём был сделан акцент на развитие следующих семи направлений:

- технологии “чистой” энергетики;
- новое поколение телекоммуникационного оборудования;
- биотехнологии;
- высокотехнологическое оборудование;
- новая энергетика;
- новые материалы
- гибридные и электрические автомобили [Эксперт, 2012: 21].

В этих направлениях разрыв между Китаем и Западом должен быть ликвидирован по возможности в самые короткие сроки. Действует в этой стране и программа поддержки “местных инноваций”, проводимых на периферийном уровне. Эти инновации получают государственную поддержку в виде налоговых льгот, субсидий, государственных контрактов [Эксперт, 2012: 22]. Однако в России процесс модернизации её экономики идёт чрезвычайно медленно и противоречиво.

Следовательно, нам нужна грамотная государственная стратегия модернизации российской экономики с набором конкретных программ её практической реализации. Сегодня в мире таких программ, равно как и механизмов стимулирования инноваций, великое множество. Это налоговые кредиты, субсидии, ускоренная амортизация, временное освобождение от налогов, венчур-бизнесы, бизнес-инкубаторы, технопарки, всевозможные кластеры и т.д. Формально многие из перечисленных форм государ-

ственной поддержки инноваций в России, казалось бы, есть. Есть и много хвалебных слов по этому поводу. Но нет реальных дел, реальных результатов по ускорению инновационных процессов в стране, хотя вопрос о модернизации и инновационном развитии самой жизнью уже поставлен на первое место.

Характерным сегодня стал факт, когда при формировании нового правительства в мае 2012 г. и основных направлений его деятельности практически вообще не говорилось об инновациях, о стимулировании научно-технического прогресса, создании специального государственного органа, проводящего в жизнь политику по формированию инновационной модели нашей экономики.

Процесс модернизационной стагнации и даже деградации идёт в российской экономике уже давно, и если его не переломить, не форсировать давно начатые, но затем оставленные реформы, то нас ждёт весьма печальное, далеко не светлое будущее. Поэтому нужна чёткая государственная политика поощрения бизнеса на использование в производстве новейших достижений в науке и технике и создание инновационной продукции. Особенно важно поощрять в этом отношении мелкий и средний бизнес, на который приходится менее 2% всех инноваций в России, в то время как нужно более 50%. Нужна современная система механизмов стимулирования инноваций как в частном, так и в государственном секторе народного хозяйства.

Всё это позволит не только создать инновационную модель для российской экономики, но и перейти на новый, шестой по счёту, технологический уклад, резко повысить эффективность и конкурентоспособность нашего производства. Ведь будущее любой страны в XXI в. во многом будет определяться её способностью к инновациям, умением ширококомасштабно налаживать выпуск новейшей оригинальной продукции, иметь внутренний механизм к постоянному обновлению производства. Если страна обладает такой способностью, значит, она имеет конкурентные преимущества. Если нет – её ждёт откат в застойное небытие. Поэтому нужно решительно формировать механизмы связи науки и бизнеса, обеспечивать профессиональный отбор локомотивных секторов и точек развития новых производств на базе создания инновационной модели экономики.

Пока же путино-медведевская “модернизация”, несмотря на достижения в стабилизации экономики и ускорении её развития до 2008 г., не привела к ускорению научно-технического прогресса, а тем более к столь нужному стране технологическому прорыву на здоровой основе зрелого рыночного механизма. Количество наукоёмких инновационных предприятий за последние 14 лет сократилось более чем в два раза. Из общего объёма наших затрат на НИОКР (более 30 млрд долларов в год по ППС) лишь 5% становятся объектами коммерческих сделок, получающих воплощение в новой продукции. В хозяйственном обороте страны находится лишь 1% результатов НИОКР, в то время как в США и Великобритании – 70%.

Даже если взять, казалось бы, одну из наиболее продвинутых отраслей нашей науки – нанотехнологию, то за период 1975–2008 гг. в России было зарегистрировано всего 713 патентов, а в США – 17,6 тыс., в Китае – 13,6 тыс., в Японии – 9,7 тыс. и даже на Тайване – 1,4 тыс. [Кудров, 2011: 544]. Сегодня одна японская корпорация “Панасоник” регистрирует патентов больше, чем вся Россия, в четыре раза.

Можно много говорить и писать на эту тему. Однако все эти проблемы упираются в институциональный спектр человеческой жизни – в социально-экономическую систему.

Проблемы институционального порядка

Нынешние инновационные и модернизационные трудности и проблемы в нашей стране неразрывно связаны с наследством, доставшимся нам от СССР. Напомню, что реальный социализм, созданный в нашей стране, базировался на полном отрицании реального исторического опыта России, на основе не частной собственности и рыночных механизмах, а на создании государственной собственности и приказной административной модели управления сверху донизу. Основными чертами этой приказной

административной модели были государственная собственность, государственное централизованное планирование, марксистско-ленинская идеология, огромный бюрократический аппарат, определявший, что производить, кому и сколько поставлять и т.д. По существу, это была военная модель, выросшая не только из марксистско-ленинской “теории” (точнее, идеологии), но и из практического большевистского опыта, приобретённого в гражданской войне. Это модель государственного планового производства и распределения продукции в натуральном выражении. В натуре распределялись все произведённые машины, оборудование, строительные объекты и сырьё. Потребительские продукты оценивались в денежной форме, но цены при этом были не рыночными, определяемыми спросом и предложением, а искусственными, государственными и фиксированными государственным аппаратом.

Такая социалистическая модель государственного производства и распределения продукции (включая услуги) обычно создаётся и в странах с рыночной капиталистической экономикой, но только в годы войны. Так было в периоды Первой и Второй мировой войны, американских войн в Ираке, Афганистане и особенно во Вьетнаме, но, естественно, только частично и в рамках военно-промышленного комплекса.

Сейчас многие забыли или даже не хотят помнить, что на большей части территории СССР, в большей части его магазинов продуктов, как правило, вообще не было. На прилавках можно было увидеть только хлеб, водку и конфеты. Мясо, рыба, сыры или колбасы обычно отсутствовали для обычного потребителя. Но необычный потребитель в лице работников партийных, хозяйственных и других номенклатурных органов обслуживался не только в особых закрытых точках розничной торговли, но и получал особые продуктовые пакеты. Такие раздаточные пакеты существовали для номенклатуры даже в Ленинграде в период его фашистской блокады.

Но ясно одно: главная ориентация советской экономики и всего общества по плану и по “решениям партии и правительства” была направлена не на людей, не на народ, а на силу и мощь страны, т.е. прежде всего на военно-промышленный комплекс. Так было до войны и после войны. При этом считалось, что жизненный уровень народа, реальные потребности нормальных людей – это второстепенный вопрос. А победа революции в какой-нибудь другой стране – более важный вопрос. Считалось, что народ всё понимает, со всем соглашается и всё стерпит. Так оно и было.

В процессе централизованного государственного планирования в СССР никогда не было конкретной ориентации на объективные потребности народа и общества. Потребности задавались государством, его планами и программами, а эти планы и программы далеко не всегда им отвечали. Главное заключалось в наращивании мощи нашей страны, как базы для революции в других странах во имя ликвидации якобы эксплуататорского, социально несправедливого капиталистического строя. Поэтому средний уровень жизни в СССР намного (раза в четыре) отставал от развитых капиталистических стран.

Несмотря на масштабную и бездумную официальную пропаганду якобы высокоценностных целей социализма по поднятию жизненного уровня населения, на деле интересы народа находились за спиной интересов политики и военно-промышленного комплекса СССР. Советский народ был реальным заложником этих интересов и всей системы их первоочередного удовлетворения. Разрыв между СССР и США по жизненному уровню населения даже в послевоенный период был не меньше, чем в 1913 г. (тоже раза в четыре), а вот разрыв между этими странами по военному производству и производству средств производства, т.е. машин, оборудования, хозяйственных построек и сырья не только резко сократился, но по ряду позиций и вовсе исчез. СССР в какое-то время даже превосходил США по производству металлообрабатывающих станков, чугуна, стали и целого ряда других важных промышленных продуктов, но только не продуктов для населения.

Резкое отставание СССР от развитых капиталистических стран по жизненному уровню населения было тесно связано с провалом его аграрного сектора в результате

насильственной и преступной коллективизации, в ходе которой был уничтожен слой самого трудоспособного и эффективного крестьянства (так называемые кулаки) и создана уравнилельная и неконкурентоспособная колхозная система. Последствия этого чудовищного большевистского эксперимента наша страна весьма остро ощущает и терпит до сих пор. Ведь более половины потребляемого у нас сегодня продовольствия приходится на его импорт. Ничего подобного не было в царской России до октябрьского переворота 1917 г. А наше сельское хозяйство и до сих пор не испытывает заметных позитивных изменений, и численность сельского населения быстро сокращается.

В советские годы было принято говорить не только о вале, но и о миллионах тонн, метров, литров и т.д. той или иной продукции. Принято было говорить о производительности труда, опираясь на известные слова Ленина о том, что производительность труда – это самое главное, самое важное для развития советской экономики и общества, для “победы нашего общественного строя”. Но всегда было ясно, что, приближаясь к США по отдельным видам выпуска промышленной продукции, мы совсем не приближались к ним по уровню производительности труда. А уж об уровне факторной производительности, т.е. о производительности труда и капитала говорить вообще не приходилось. Несмотря на рост производительности труда, фондоотдача, т.е. производительность капитала, в советской экономике постоянно снижалась, объём основных фондов увеличивался быстрее национального дохода. И это несмотря на обычные приписки и сознательное преувеличение темпов роста национального дохода советской статистикой.

Примитивная плановая ориентация на вал, на количество производимой продукции вела к тому, что в условиях нерыночной экономики говорить об инновациях просто не было смысла. Инновации рождаются только в условиях конкурентного соревнования и других рыночных стимулов и механизмов. Конкуренция с США была только в военно-промышленном комплексе, где мы реально соревновались с США. И более того, она поддерживалась и стимулировалась государством, которое заключало специальные закрытые контракты с производственными объектами, подвигая их к соревнованию друг с другом. Но это был всего лишь искусственный внешний стимул в закрытой среде, внутреннего же стимула не было, и быть не могло при отсутствии частной собственности и открытой конкурентной борьбы. Но оказывается, что советское государство всё же прагматично понимало, что без конкуренции реального продвижения по пути научно-технического прогресса быть не может. И это продвижение имело в особой закрытой среде военно-промышленного комплекса. Однако научно-технические достижения в этом комплексе почти не распространялись в гражданском производстве, они просто были закрыты и засекречены.

Инновации поначалу в советские времена вообще не включались в план, да и само это название в ходу не было. Был термин “научно-технический прогресс”, и этот фактор стал учитываться в планах только в последние годы существования СССР, но всего лишь формально. На деле оказалось, что любые искусственные показатели по ускорению научно-технического прогресса практически ничего не меняют. Это всего лишь внешний якобы стимул к необходимому развитию. Реален же прежде всего внутренний стимул, а его не было, и быть не могло при отсутствии зрелых рыночных отношений и нормальной предпринимательской среды. Только такая среда могла обеспечить образование надёжного потребительского рынка, надёжной потребительской среды, но её не было, и все продукты производились и продавались не по реальным внутренним потребностям, а по плану из внешней среды. Поэтому всегда были, с одной стороны, избытки продукции, не пользующейся спросом, а с другой – дефицит. Реальной же сбалансированности между спросом и предложением в нерыночной экономике не было и тоже быть не могло. А инновации в гражданском производстве СССР просто практически не существовали.

Однако существовал импорт определенных потребительских продуктов длительного пользования (холодильники, стиральные машины, пылесосы и т.д.), которые тоже можно назвать инновациями для СССР, но к его внутреннему производству они отношения не имели и реальными советскими инновациями, как правило, не были. Таким образом, развитие производительных сил в СССР происходило прежде всего за счёт огромного военно-промышленного комплекса и не имело всеохватывающего и крупномасштабного характера. Без рыночного механизма и, особенно, без конкуренции реальный масштабный научно-технический прогресс просто немыслим.

Тогда возникает вопрос: а как повышать эффективность экономики без масштабного и неограниченного научно-технического прогресса? Ответ очевиден – никак.

Эффективность производства в СССР была низкой, она в разы уступала эффективности производства в странах со зрелой рыночной экономикой. Низкая эффективность экономически определяла и низкую конкурентоспособность производимой продукции. В международном рейтинге конкурентоспособности советская экономика занимала позорно низкое место в мире. Производя металлообрабатывающих станков больше, чем США (240 тыс. в год), мы из-за их низкого качества могли продать их только “братским” социалистическим странам, на Западе их никто не покупал.

Если сравнивать эффективность послевоенной экономики СССР и побежденной Германии, то это сравнение тоже будет далеко не в пользу СССР – страны-победительницы. Побеждённая к 1945 г. Германия в середине 80-х гг. прошлого века, т.е. накануне прекращения существования СССР превосходила его намного не только по производительности труда (в 2,5 раза), но и по общей эффективности производства, конкурентоспособности и особенно по уровню жизни и благосостоянию населения.

СССР пытался укрепить свою мощь и конкурентоспособность своей экономики с помощью созданной им мировой социалистической системы. Однако эта система уже вскоре стала реально проявлять свою неэффективность и нежизнеспособность. Уже в июне 1953 г., почти сразу после смерти Сталина, в ГДР произошли серьёзные массовые волнения и даже восстания, которые были подавлены советскими войсками, находящимися на территории этой страны (700 тыс. человек). Осенью 1956 г. в Венгрии вспыхнули восстания против социализма, системы, заимствованной у СССР. Пришлось вновь в нарушение всех международных прав вводить советские войска и спасать венгерский социализм в рамках мировой социалистической системы.

В августе 1968 г. в Чехословакии произошла революция против принятой ею ещё в 1948 г. советской модели экономики и общественной системы в целом. И вновь советские войска были брошены “на наведение порядка”. Мировая социалистическая система, несмотря на идеологические и пропагандистские её лакировки, по жизни и на деле трещала по швам. И этот треск происходил не только в отдельных социалистических странах Восточной Европы, но и в СССР. В Восточной Европе социализм однозначно не воспринимался, особенно в Польше (немного в меньшей степени в Болгарии), где не проводилась коллективизация в сельском хозяйстве, развивалась розничная частная торговля и ментально в общественном сознании росли антисоветские настроения, аналитические суждения и выводы.

Именно развал мировой системы социализма, которая продемонстрировала свою явную неэффективность и историческую несостоятельность, и стал одной из важнейших причин развала СССР, ухода нашей страны того времени из жизни. Другие причины развала СССР – это его внутренние проблемы, проблемы соперничества с Западом и т.д. Сказать, что СССР прекратил своё существование вдруг неожиданно – это неверная оценка. На деле, развал СССР и его социализма готовился и вызревал давно, начиная с хрущёвских времён.

* * *

Сегодня у нас полно текущих, издавна нерешённых проблем, которыми надо заняться срочно, по-деловому и масштабно. Первая проблема – это, наконец-то, открыто и чётко определиться, куда мы идём. Или назад, к “реальному социализму”, или вперед к зрелому капитализму, который уже давно получил своё развитие в ранее побеждённых в войне Германии и Японии. Однозначно всегда надо идти только вперед, но у руководства нашей страны такого чётко однозначного ориентира пока нет. А это значит, что мы будем продолжать болтаться в своём институциональном существовании между социализмом и капитализмом. Это уже продолжается 15 лет, но продолжаться дальше не может, ибо наша страна находится в состоянии институционального и исторического застоя.

Вторая проблема – пора покончить с авторитарным режимом и авторитарной формой правления и дать дорогу широкому развитию демократии, появлению новых и более продвинутых политиков и профессионалов на высоких уровнях руководства в стране. Удивляет то, что многие дорогостоящие заседания нашего правительства и президентской администрации проходят не в Москве на обычном рабочем месте, а по разным городам с Запада на Восток и на подмосковных дачах наших руководителей, что слишком дорого обходится стране.

Третья проблема – дать значительно больший простор и масштаб развитию и присутствию частного бизнеса в нашей экономике, доведя долю государства в рыночной среде до разумного оптимума. Пока же доли частного бизнеса и государства в экономике России практически одинаковы, и долю частного, конкурентоспособного, эффективного и продвинутого сектора пора повышать после её снижения в 2000-х гг. Только создав зрелую рыночную экономику Россия может укрепить своё влияние в мире. Главное, чтобы это влияние было положительным, а не отрицательным, признаки и черты которого видны и до сих пор.

Четвёртая проблема – укрепляя и расширяя предпринимательскую среду, надо уделить особое внимание созданию инновационной модели в российской экономике. Пройденные в этом направлении шаги пока не дали необходимых и ожидаемых результатов. Россия по существу не проявила заинтересованности в создании такой модели, и если такая ситуация будет ещё долго продолжаться и, следовательно, мы не будем выходить из уже давно сложившегося у нас системного кризиса, то будущее России просто будет обречено.

В-пятых, необходимо программно и масштабно повышать жизненный уровень населения нашей страны. Этот уровень позорно низок для России, и акцент стал делаться (как и в советские времена) на развитие военно-промышленного комплекса, форсирование военных расходов, а не на жизненный уровень населения. Для его повышения необходимо иметь специальную государственную программу и соответствующую ей политику, чего, к сожалению, до сих пор нет. Повышение уровня жизни людей тоже должно стать особой национальной программой России.

В-шестых, необходима реформа государственного управления, включающая в себя повышение автономности и самостоятельности региональных и местных органов в принятии решений в рамках своей компетенции, независимо от центральных органов власти. Нужна конкуренция региональных органов в достижении полезных и эффективных результатов в их деятельности и прежде всего в эффективности производства и экспорта производимой продукции, а также в жизненном уровне населения. Федеральные же органы должны поощрять и поддерживать регионы в этом отношении.

В-седьмых, необходимо проводить решительную и комплексную политику по преодолению давно сформировавшейся в нашей стране структурной слабости её экономики. Речь идёт прежде всего о чрезмерной доле сырьевого сектора в нашем промышленном производстве. Давно пора не транжирить наши сырьевые ресурсы, а беречь их для будущего страны, сократить экспорт сырья и долю сырьевого сектора в ВВП страны. Наоборот, надо резко поднять долю гражданского машиностроения, добиться его высокой конкурентоспособности. Низкая эффективность производства, его очевидная структурная слабость – давние болезни нашей экономики.

В-осьмых, нужно всерьёз заняться преодолением чрезмерного оттока капитала из нашей страны, и не путём его административного ограничения, а путём стимулирования инвестиций в стране. В позапрошлом, 2013 г. общий отток капитала из России составил 57 млрд долларов, в этом году, похоже, ожидается его не меньший откат. Всё это подрывает инвестиционный процесс в нашей экономике, негативно влияет на экономический рост.

Конечно, анализ негативных факторов в развитии нашей экономики можно продолжать и дальше, но главное заключается в том, чтобы, зная о них, мы должны иметь чёткие программы избавления от них, а также программы масштабных преобразований в рамках современных рыночных механизмов, ускорения научно-технического прогресса и повышения уровня жизни. А ностальгировать о Советском Союзе сегодня просто смешно. Мы уже, несмотря на изложенные проблемы, совсем другая страна, и у нас совсем другие проблемы.

Список литературы:

- Кудров В.М. *Вопросы статистики* (2013) № 12, с. 56.
Кудров В.М. *Индикаторы инновационной деятельности: 2013*. (2013) М., сс. 448, 450.
Кудров В.М. *Индикаторы информационного общества: 2013*. (2013) М., с. 290.
Кудров В.М. *Индикаторы науки: 2013*. (2013) М., с. 357.
Кудров В. (2011) *Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития*. М., с. 544.
Кудров В.М. *Мировая экономика и международные отношения* (2013) № 11, с. 26.
Кудров В.М. *Независимая газета* от 30 декабря 2013 г.
Кудров В.М. *Россия в цифрах* (2013) М., с. 240.
Кудров В.М. (2013) Россия и Китай: чьи экономические реформы эффективнее? (сравнительный опыт) // *Современная Европа*. № 4.
Кудров В.М. *Экономист* (2014) № 1, с. 5.
Кудров В.М. *Эксперт* (2012) № 12, сс. 21, 22.
- References:**
Kudrov V.M. *Voprosy statistiki* (2013) № 12, s. 56.
Kudrov V.M. (2013) *Rossija i Kitaj: ch'i jekonomicheskie reformy jeffektivnee? (sravnitel'nyj opyt) // Sovremennaja Evropa*. № 4.
Kudrov V.M. *Indikatorj innovacionnoj dejatel'nosti: 2013*. (2013) M., ss. 448, 450.
Kudrov V.M. *Indikatorj informacionnogo obshhestva: 2013*. (2013) M., s. 290.
Kudrov V.M. *Indikatorj nauki: 2013*. (2013) M., s. 357.
Kudrov V. (2011) *Mezhdunarodnye jekonomicheskie sopostavlenija i proble-my innovacionnogo razvitija*. M., s. 544.
Kudrov V.M. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* (2013) № 11, s. 26.
Kudrov V.M. *Nezavisimaja gazeta* ot 30 dekabrja 2013 g.
Kudrov V.M. *Rossija v cifrah* (2013) M., s. 240.
Kudrov V.M. *Jekonomist* (2014) № 1, s. 5.
Kudrov V.M. *Jekspert* (2012) № 12, ss. 21, 22.

Actual problems of the Russian economy

Author. Kudrov V.M. Tenured Professor HSE, laureate of the State Prize of the USSR, Chief Scientific Officer IE and IMEMO RAS. **Address:** 11-3, Mohovaja Str., Russia, Moscow. **E-mail:** kudrovvalentin@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются две проблемы: оценка советской социально-экономической системы и нынешней российской системы. Советская система опиралась на административно-командный механизм и отличалась неэффективностью, порождающую её историческую несостоятельность, современная российская система опирается одновременно на два механизма – рыночный и административный, что также порождает её неэффективность и требует реформирования.

Abstract. The article deals with two issues: assessment of the Soviet socio-economic system and the current Russian system. The Soviet system was based on the administrative-command mechanism and different inefficiencies, generating its inconsistency, while the current Russian system is based simultaneously on two mechanisms – the market and the administration, which also gives rise to inefficiencies and therefore needs to be reformed.

Key words: Soviet economic and social system, the modern Russian socio-economic system, inefficient historically untenable, the administrative apparatus.